

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

В. М. НАСИЛОВ

ЯЗЫК СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКОВ УЙГУРСКОГО ПИСЬМА

Знаком живых и мертвых тюркских языков Средней и Центральной Азии В. М. Насилов (1893—1970), пользующийся во всех тюркоязычных республиках заслуженной славой педагога, вырастившего не одно поколение тюркологов, известен также как автор очерков по истории письменных тюркских языков старшего периода — «Язык орхон-снисейских памятников» (М., 1960) и «Древнеуйгурский язык» (М., 1963). Незадолго до смерти В. М. Насилов подготовил для печати завершающую монографию этого цикла — «Язык средневековых тюркских памятников уйгурского письма»; при этом очерк «Древнеуйгурский язык» рассматривался им как своего рода «введение к материалам, которые подвергаются анализу в данной работе».

Ниже публикуется извлечение из очерка «Язык средневековых тюркских памятников уйгурского письма», который в полном виде будет выпущен в свет Издательством восточной литературы.

В этой монографии подбор малонисследованных уйгурописьменных сочинений XI—XV вв., над языком которых велись наблюдения, осуществлялся прежде всего с точки зрения лингво-исторической их ценности и сонаправленности. Для анализа были взяты два произведения караханидского периода — близкие друг к другу по языку «Кутадгу билик» Юсуфа Баласагунского (XI в.; далее — КБ, венская рукопись — КБВ) и «Атабэт-ул-хаканик» Адиба Ахмела Югнеки (XII в.; далее — АХ). Это «образцы литературного языка, слагавшегося под влиянием исламской культуры, распространявшегося на восточный и западный Туркестан и получившего далее свое развитие и изменение в Хорезмо-золотоордынском государстве».

Для того чтобы представить эти «последующие звенья в развитии литературного языка в Средней Азии», были исследованы сочинение Насирид-дина ар-Рагъузи «Қыссас-эл-энбийэ» (1310; далее — РРГ.) и гератские памятники уйгурского письма XV в. Последние В. М. Насилов относил «к так называемому „чагатайскому“, восточнотюркскому языку»; среди этих памятников особенно в «Тэзкэрэ-и-эвлийэ» «со всей рельефностью выступают характерные черты литературного языка Средней Азии XV в. с преобладающими грамматическими формами „чагатайского“ периода, особенно разнообразными для спрягаемых форм глагола». Проследившая основные линии фонетического и грамматического строя языка изучаемых произведений, В. М. Насилов по необходимости совершал также экскурсы в словарь Махмуда Кашгарского «Дивану-л-лугат ат-тюрк» (далее — МК): «словарь этот важен не только своими обширными сведениями о лексической базе тюркских диалектов языковой системы, господствовавшей в караханидский период, но и тем, что он позволяет охарактеризовать живой и письменный язык того времени с точки зрения фонетической».

Для нынешнего состояния изучения истории тюркских письменных языков представляется чрезвычайно важным, что при анализе (на отдельных примерах) здесь вполне отчетливо дифференцировались «два структурных типа речи», отразившиеся в изучаемых памятниках: «стихотворный в „Кутадгу-билик“ и „Атабэт-ул-хаканик“ и прозаический повествовательный в произведениях „Қыссас-эл-энбийэ“, „Тэшхис-ул-нисан“, „Мираж-намэ“ и „Тэзкэрэ-и-эвлийэ“» (два этих структурных типа принимались в расчет при изучении синтаксиса простого предложения). Одновременно (тоже спорадически) учитывались жанровые и стилистические отличия изучаемых произведений. Так, говоря о «преждепрошедшем повествовательном» на *-мыш(-миш) арди*, В. М. Насилов подчеркивал: «Совершенно естественно, что в двух поэмах дидактического характера „Кутадгу: билик“ и „Атабэт-ул-хаканик“ форма данного структурного образования глагола отсутствует».

Примечательно также, что ученого привлекал и историко-культурный аспект изучения подобранных письменных памятников: «... мы не можем оставить без внимания то, — писал В. М. Насилов, — что между содержанием произведений буддийско-манихейского мировоззрения и глубоким гуманизмом в идеях „Қутадғу билик“ и „Атабэт-л-хэкаик“ (относимых обычно к памятникам мусульманской идеологии) существует органическая преемственная связь, расширяющая идейное значение этих памятников далеко за рамки мусульманской идеологии».

Условия журнальной публикации не позволили широко представить материалы В. М. Насилова; прежде всего пришлось опустить обстоятельное описание использованных ученым рукописей и изданий некоторых из них. Опуская также сведения по графике и наблюдения над фонетикой анализируемых письменных памятников, равно как и объяснение автором принципов транскрибирования их, мы уделили основное внимание лингво-исторической концепции В. М. Насилова, в частности — его пониманию динамики морфологического развития, которая стала одним из главных объектов исследовательской деятельности ученого, начиная еще со времени создания им «Грамматики уйгурского языка» (М., 1940), и интерес к которой непрерывно поддерживался его многочисленными работами по истории тюркских письменных языков старшего периода.

Г. Ф. Благова

С введением в 960 г. в Караханидском государстве ислама как официальной религии был принят и арабский алфавит как официальное письмо. Однако уйгурское письмо не только сосуществовало с арабским, но оказалось долговечным на очень обширной периферии вплоть до Герата — обе формы письма в Центральной Азии уживались вплоть до XV в. Тем, что в Средней Азии долго существовал не только книжный, но и живой разговорный язык *д*-группы, поддерживалась письменная традиция на уйгурском алфавите. Однако трансформация языка под влиянием все более распространяющихся с запада «мусульманских» форм письма, замена *д*-группы *й*-группой языка обуславливает постепенное вытеснение уйгурского письма.

В обзор данной работы входит комплекс таких литературных образов, которые представляют собою как бы звено между памятниками древнеуйгурского языка буддийского и манихейского содержания и деловых юридических документов, с одной стороны, и памятниками так называемого мусульманского содержания, с другой. В этой фазе исторического развития, которое происходит под влиянием арабо-иранской исламской культуры, литературные произведения продолжали хранить традиции древнеуйгурских языковых памятников и в то же время отражали новые лексические и грамматические явления, слагавшиеся под интенсивным воздействием арабиранских литературных образов.

Нам представляется, что интеграция языковых особенностей исследуемых литературных произведений в нашем очерке должна послужить предпосылкой к пониманию многих языковых явлений в произведениях на тюрки и так называемом чагатайском языке, из которого слагались формы узбекского литературного языка средних веков.

Хотя образцы, язык которых анализируется в данном очерке, принадлежат различным авторам, представителям различных этнических групп, однако традиция и приемы литературного стиля в достаточной степени позволяют установить единый аспект для исследований и в то же время помогают дать интеграцию грамматических и лексических явлений в сводке, которая может послужить звеном в определении и оценке тех или иных форм в литературном языке тюркских народов.

Характерные особенности древнеуйгурского языка пока преимущественно встречаются в языке «Қутадғу билик» (XI в.) Юсуфа Баласагунского, «Атабэт-ул-хэкаик» Адиба Ахмеда Югнеки (XII в.), «Қыссас-эл-энбийэ» хорезмийца Рабгузи (XIV в.) вплоть до таких литературных образцов XV в., появившихся в Герате, как «Тэзкэрэ-и-эвлийэ» (1436) и «Мираж-намэ»

(1437), а также манускрипт «Тэшхис-ул-инсан» (текст последнего чрезвычайно удобно сопоставлять с «Мираж-намэ»).

Выбранные нами памятники дали возможность проследить (конечно, относительно) лексико-грамматические изменения, завершившиеся в XV в. становлением конгломератного языка тюркй, впитавшего караханидско-уйгурскую, хорезмо-золотоордынскую и восточно-тюркскую (так называемую «чагатайскую») типологию.

В текстах литературных произведений, столь различных по времени и месту написания, мы стремимся выделить, с одной стороны, то общее, что объединяет их в языковом отношении в сфере литературной традиции, а с другой — отметить также то, что является специфическим в формах языка отдельных произведений, констатируя таким образом явления, присущие этническим особенностям языковой среды, к которой принадлежал автор. Нам думается, что тем самым данная работа служит двум направлениям исследований в области истории тюркских литературных языков — как свидетельство неразрывности уйгурской литературной традиции и как предпосылка к изучению отдельных произведений в аспекте диалектных особенностей их языка и этнической принадлежности их создателей. Кроме того, выполненный нами сопоставительный анализ грамматических форм и частично лексики исследуемых произведений позволяет более расширенно воспринять смысловые модуляции отдельных слов в определенных контекстах, уточнить их значения и дифференцированно расшифровать семантику грамматических форм, которая часто не бывает идентичной в разных контекстах.

Влияние языковых закономерностей огузской, юго-западной группы, имеющей тенденцию редуцировать и спирантизировать небные (гуттуральные) *к/к*, *г/г*, выражается в языках приводимых памятников в редукции этих фонем в падежных и словообразовательных аффиксах. Поэтому своеобразная в караханидских памятниках форма винительного падежа, с аффиксом *-ыг/-иг*, характерная для древней типологии, начинает уступать место формам не только с широко употребляемым аффиксом *-н*, *-ын/-ин*, *-ны/-ни*, но также и с аффиксом *-ы/-и* (что особенно характерно для турецкого языка). В «Қыссас-э-л-энбийэ» в винительном падеже ф-фикс *-г/-г* уже не употребителен совершенно, и присущими являются *-н*, *-ны/-ни*, *-ын/-ин*. В гератских памятниках «Тэшхис-ул-инсан», «Тэзкэрэ-и-эвлийэ» и «Мираж-намэ» винительный падеж имеет две формы аффикса — *-н* и *-ны/-ни* — для обозначения определенного объекта.

Воздействие огузской языковой группы сказывается и в том, что в дательном падеже наряду с формантами *-қа/-кэ*, *-ға/-гэ* иногда используется аффикс *-а/-э* (адама «человеку»), особенно после аффиксов принадлежности — *башыма* «моей голове», *сөзүмэ* «моему слову», *айагына* «его ноге», *бойнуңа* «на твою шею», хотя в этом случае закономерной является аффиксация *-ға/-гэ* (*айағыға*, *көзигэ* и т. д.). Дательно-направительный падеж личных местоимений в караханидских памятниках имеет две формы — *маңа*, *маңар* «мне», *саңа*, *саңар* «тебе».

Аффикс местного падежа *-да/-дэ*, *-та/-тэ* в караханидских памятниках продолжает хранить двойственное значение: локатива и аблатива. В аблативном значении эта форма встречается довольно часто. Примеры: *Йэрде қоп-* (МК) «встать с земли»; *Кишидэ талула бу ики кишиге* | *Аңар утру бэргил бу ики ишиг* (КВ) «Выбирай из людей этих двух человек. И затем дай им (аңар) эти два дела»; *Нэч'алим 'урди, нэч'фэйлэсуф* | *Қаны бу күн олар миңиндэ бири* (АХ) «Сколько было ученых, сколько философов, | Где они теперь, [хоть] один из тысячи».

В гератских памятниках в противоположность караханидским местный падеж моносемантичен и значения аблативности не имеет. Для пере-

дачи аблативности стабилизировался только исходный падеж, который имеет то же значение в караханидских и хорезмском памятниках.

При склонении личных и указательных местоимений в караханидских памятниках встречается соединение двух падежных аффиксов: притяжательного и косвенного падежа. Например: *Сэниңдин отәлсү маңа сөз тағы* | *Мәниңдин отәлсү саңа сөз һағы* (КБВ) «Пусть мне будет выполнено твое слово (тобою), | Пусть тебе будет выполнена мною награда (моя)»; *Битип қолмаса әрди билгә бөгү* | *Бизиңдә озагыг ким әрди тәгү* (КБН) «Если бы мудрый герой не оставил писание, | (То) кто мог бы сказать (видимо, „необходимое“? — В. Н.) прежде нас». Такой двойной падеж, как видно, выражает косвенный объект, принадлежащий определенному лицу. Уже в «Қыссас-әл-әнбийә» двойной аффикс при склонении местоимений в косвенных падежах исчезает.

Глагольные имена в силу своего развития и обогащения из различных этнических источников проявляют себя в исследуемых литературных памятниках в большем разнообразии морфологических и семантических особенностей, чем в памятниках древнеуйгурского языка, с грамматическими категориями которого они тесно связаны. Среди них еще продолжают встречаться формы, присущие грамматическому строю орхоно-енисейских памятников. Это особенно заметно в таких произведениях, как «Қу-тадғу-билик» и «Атәбәт-үл-хәкаик». Часто наблюдаемое в исследуемых памятниках сосуществование и иногда параллельное употребление древнеуйгурских, огузских и кыпчакских глагольных имен можно рассматривать как проявление состояния, предвещающего новую формацию литературного языка Средней Азии — так называемого тюрк и восточно-тюркского, так называемого чагатайского языка, легших в основу староузбекского литературного языка.

Отдельные формы глагольных имен в развитии литературного языка убывают и деградируют в своем употреблении и наоборот, другие приобретают новые синтаксические функции, развивается и изменяется их лексическое значение. К числу деградирующих в употреблении форм в исследуемых памятниках принадлежат глагольные имена с аффиксами *-тачы/ /-тәчи* (*-дачи/-дәчи*) и *-дуқ/-дүк* (*-туқ/-түк*).

Характерна для караханидских памятников (КБ, АХ) и уже исчезает в других исследуемых нами произведениях форма глагольного имени с аффиксом *-ғлы/-ғли*, например: *бағығлы* «наблюдающий, наблюдатель» (АХ), *тоғуғлы* «урожайный» (КБВ). В КБ и АХ довольно рельефно выступают глагольные имена на *-дачы/-дәчи*, *-тачы/-тәчи* и на *-дуқ/-дүк*, *-туқ/-түк*. Даже и в караханидских памятниках наряду со становящимися менее актуальными глагольными именами на *-ғлы/-ғли*, *-тачы/-тәчи*, которые в адъективной функции приобретают семантику причастия, в определительных словосочетаниях довольно часто появляется глагольное имя на *-ған/-гән*. В текстах хорезмо-золотоордынского памятника встречается глагольное имя на *-дуқ/-дүк* и отсутствуют глагольные имена на *-дачы/-дәчи*, *-ғлы/-ғли*. Форма на *-дачы/-дәчи*, *-тачы/-тәчи* встречается в гератской рукописи касиды, посвященной эмиру Джелал-эд-дину (первая половина XV в.); в других гератских памятниках — «Мираҗ-намә», «Тәшхис-үл-инсан» и «Тәзкәрә-и-әвлийә» — на протяжении большого количества текстов эта форма уже не встречается.

Глагольное имя на *-мыш/-миш*, имеющее широкое употребление в древнеуйгурских памятниках в функциях и значениях, эквивалентных глагольному имени на *-дуқ/-дүк* орхоно-енисейских памятников, в исследуемых памятниках имеет еще достаточно выразительную грамматическую сущность. Оно выступает в субстантивном, адъективном, адverbiallyном и предикативном значении. В функции обстоятельственных членов глагольное имя

на *-мыш/-миш* в исследуемых памятниках встречается редко, на смену ему приходит форма глагольного имени на *-ган/-гэн*.

Воздействие кыпчакских групп тюркских языков сказывается в том, что глагольное имя на *-ган/-гэн* получает очень широкое отражение в самых различных литературных памятниках до-«староузбекского», чагатайского периода; оно выступает в однородных грамматических функциях с глагольными именами на *-дуқ/-дук*, *-мыш/-миш* и др. Юсуф Баласагунский в XI в. употребляет это глагольное имя в своей поэме как уже органично вошедшую в язык форму наряду с бытующими с древних времен глагольными именами *-дуқ/-дук*, *-мыш/-миш*. Предикативная функция этого глагольного имени стабилизируется главным образом в памятниках Золотой Орды и частично в староузбекских памятниках, что и отличает их от других синхронных с ними литературных памятников старого периода. Таким образом, единство литературного языка, именуемого в науке тюрк, как некоего субстрата среднеазиатского книжного койне теряет свое основание даже и по только что указанному признаку.

Формы настоящего-будущего времени, характерные для орхонских и древнеуйгурских памятников, еще в очень широком употреблении встречаются в памятниках карахидского периода — в «Қутадғу билик» и «Атэбэт-ул-хэкаик». Однако при движении языковой культуры в сторону юго-запада литературные памятники начинают впитывать в себя типологические черты языка других этнических групп, в которых формы *verbum finitum* имеют свой собственный генезис. Это способствует обогащению и развитию традиционных спрягаемых форм литературного языка, дополняет их структуру новыми морфологическими элементами и аффиксальными морфемами, содержащими полноценную семантическую значимость (*турур*). В синтезе с глагольной формой, содержащей корневую смысловую морфему, *турур* образует более дифференцированную смысловую сущность спрягаемой формы в отношении категории времени.

Форма настоящего-будущего времени, образованного из слитного деепричастия и формантного глагола *тур-* — *турур*, очень редко употребляется в «Қыссас-эл-энбийэ», но преобладает в «Мираж-намэ» и «Тэзкэра-и-эвлийэ». В памятниках чагатайского литературного языка заметна редукция форманта *турур* или его стяжение в *тур/дур*, далее в *дыр/дир* (с редукцией *-р* в современных среднеазиатских языках). В «Қыссас-эл-энбийэ», несмотря на достаточную архаичность его языка, проскальзывает много чагатаизмов, являющихся более поздними проникающими кыпчакскими элементами, например, в настояще-будущем определенном времени встречаются редуцированные формы: *йыглаймэн* «я плачу» (вместо распространенного *йыглай-турур-мэн*), *ишитмэйсиэ* «вы не слышите». Вообще мы готовы были бы принять распространенное мнение тюркологов, что современная форма настоящего-будущего времени узб. *бараман*, уйг. *баримэн*, татар. *барам* и проч. есть, действительно, редуцированная чагатайская форма *баратурумэн*, однако в представителе огузской группы — старотурецком языке — существовала форма настоящего-будущего времени типа *верем* «я даю, дам», *гелем* «я прихожу, я приду», что наводит на мысль о древней тенденции слитного деепричастия обладать семантикой проявления действия в настояще-будущем времени; не в этом ли его очень древняя тенденция выражать образ протекания основного действия, например, *олу йитү кэлти* «пришли в состоянии полного изнеможения» в памятниках рунического письма.

Форма прошедшего результативного, которая также часто встречается в современных среднеазиатских языках, была образована из соединительного деепричастия на *-н* + спрягаемая форма глагола *тур-турур*. Например, у Рабгузи: *қамуглары саңа кўзүп* (т. е. *күтүп*) *турурлар* «Все

они ожидают тебя», хотя иногда здесь же наблюдается *бэрип мэн* (вместо *бэрип туруп мэн*) «я дал уже». В гератских памятниках встречается и редуплицированная форма (подобная современной): *кэрүпмэн* «уже увидел я; вот и вижу», *бэрипмэн* «я дал уже».

По мере движения литературного языка к западу возникает ряд форм *verbum finitum*, которые затем широко развиваются и получают широкое использование не только в литературных памятниках чагатайского периода, но и в новых среднеазиатских языках. Одна из них — преждепршедшее совершенное — образуется из соединительного деепричастия (на -*п*, -*ып*/-*ип*) и формы вспомогательного глагола *эрди*, например: *Ба'зы бир эрини бир, шик, нэб қылып эрди* (РБр.) «Он некоторых из своих людей назначал (назначил) на какую-либо работу». Эта форма констатирует фактическое регулярное действие в прошлом.

В отрицательной форме настояще-будущего неопределенного времени вместо -*мас-мэн*, -*мэс-мэн* употребляется иногда стяженная форма аффикса -*ман*/-*мэн* (*барман* «я не хожу» вместо *бармасман*). Но все же это явление довольно редкое.

Форма на -*гай*/-*гэй*, -*қай*/-*кэй* (в караханидских памятниках — часто -*га*/-*гэ*) в исследуемых текстах выступает всегда с аффиксами сказуемости. Употребление этой формы в исследуемых памятниках в сравнении с употреблением в памятниках древнеуйгурского языка буддийско-манихейского содержания¹ — очень обширно, независимо от места их происхождения. Это показывает, насколько эта форма в качестве *verbum finitum* стабилизировалась в литературном языке для передачи определенных смысловых модуляций. Если в древнеуйгурских рукописях форма на -*га*/-*гэ*, -*гай*/-*гэй* выражала будущее время, то уже в огузо-кыпчакском памятнике Рабғузи она встречается с семантикой долженствования. А ее спрягаемые формы с вспомогательным глаголом *эр*- создают различные значения долженствования, необходимости и сослагательности действия, особенно богатые и разнообразные в приводимых гератских памятниках, на которых кыпчакское влияние сказалось очень интенсивно.

Простая форма условного наклонения образуется аффиксами -*са*/-*сэ* и личными аффиксами принадлежности. Этим она отличается от огузской формы орхоно-енисейских и древнеуйгурских памятников, имевших характеристическими аффиксами -*сар*/-*сэр* и личные аффиксы сказуемости. Аффиксы сказуемости при условной форме на -*са* продолжают употребляться в языке «Қутадғу билик»: *қыйнасасэн* «если ты накажешь», *йазсамэн* «если я согрешу», *миң йазуқ қылсамэн* «если я тысячу грехов совершу» (КБВ). Рудимент аффикса сказуемости сохраняется иногда в 1-м лице мн. числа (т. е. вместо -*ң*/-*н* употребляется -*мыз*/-*миз*) в «Қыссас-эл-энбийэ»² и в других анализируемых произведениях. Видимо, изменению древней аффиксации условной формы способствовало взаимодействие между огузскими и кыпчакскими типологическими явлениями, которое оказало доминирующее влияние на древние аффиксальные формы и привело к стабилизации указанных морфологических изменений.

В синтаксическом плане в сочинениях Юсуфа Баласагунского и Ахмеда Югнеки много общего с памятниками манихейско-буддийского содержания в структурах словосочетаний, но в то же время наличествуют черты, которые, возникая под влиянием проникающих новых этнических факторов, часто приходят на смену существовавших ранее языковых моментов. Таково, например, использование в качестве предикативного фор-

¹ См. наш очерк «Древнеуйгурский язык», М., 1963, стр. 75—78.

² Архангелская форма 1-го лица мн. числа прошедшего категорического времени также наблюдается в «Қыссас-эл-энбийэ»: *йығаладымыз* «мы плакали», *кәлдимиз* «мы пришли».

манта в именных предложениях глагола *тур*-(*турур*) вместо глагола *эр*-(*эрур*) в 3-м лице для настоящего времени; появление (довольно частое) в определительных и обстоятельственных словосочетаниях глагольного имени на *-ган/-гэн*.

Для хорезмо-золотоордынского памятника Рабгузи «Қыссас-эл-энбийэ», который является как бы переходным между караханидскими памятниками уйгурского и арабского письма и памятниками так называемого языка тюркí, характерны синтаксические структуры такого же типа, которые наблюдаются в гератских памятниках уйгурского письма «Тэшхис-уl-инсан» и «Тэзкэрэ-и-эвлíйэ» и арабского письма «Мираж-намэ», откуда можно перекинуть мост и к более поздней типологии литературного языка, в который вносится много диалектных особенностей со стороны тюркских этнических групп, постепенно создающих дифференциацию литературного языка.

Анализируя памятники в отмеченных трех по времени градациях: караханидские, хорезмо-золотоордынские и чагатайские, мы стремились проследить историческую динамику, главным образом, в развитии и изменении грамматических форм. И, хотя подбор произведений, язык которых в его характерных чертах мы пытались описать, конечно, не является достаточным для интегрирующих лингвистических и исторических выводов и обобщений, в основном нам удалось показать, как постепенно под влиянием этнической среды установившиеся в определенный период формы литературного языка тюркоязычного населения по мере своего распространения и проникновения в иную диалектную среду тюркоязычного населения трансформируются, сходят на нет и заменяются формами иной типологии.